

Однажды Зюзе захотелось выпить. В принципе, выпить ему хотелось всегда, а в этот день — особенно. И всё бы ничего, но денег, как всегда, не было — пропил до последней копейки. И в долг, как всегда, никто не давал: знали, что не отдаст. И на пьянку (корпоративную, как сказали бы сегодня) его тоже не взяли — туда пошли те, которые скинулись по червонцу. Время было такое — старое, доброе, советское: тогдашнего червонца за глаза хватало бы на любую пьянку, не то что сейчас. Взвыл Зюзя от бессилия своего и зарыдал в полный голос.

Тут его коллега увидела.
— Что плачешь-то, Зюзенка, что так убиваешься? — спрашивает. — Ай обидел кто?

— Горе у меня, — Зюзя ей отвечает. — Жена моя ненаглядная, Фуриянушка, умерла насовсем во время родов.

Коллега бедная чуть в обморок не грохнулась: Фурияна Зюзина тогда про зубчатые колёсики всякие в заводской многотиражке строчила и на сносях от Зюзи (кажется) была, но чтоб помереть в самом расцвете творческих сил? В общем, утешали Зюзя всей честной компанией: напоили до невменяемого, как всегда, состояния, чтоб боль душевную снять, и о деньгах, конечно, никто не заикнулся — трагедия-то какая!

А утром Зюзина коллега чуть в обморок не хлопнулась по второму разу, потому как приведения увидела: идёт по улице Фурияна Зюзина, жива-живёшенька, идёт и живот себе спокойно поглаживает.

— Зд-зд-равствуй, Фурияночка, — еле-еле промолвила коллега Зюзи, — ну как ты, а?

— Да нормально всё, — Фурияна говорит, — ребёночек вот толкается: рожать скоро.

Не помня себя от злости, прибежала Зюзина коллега на работу, увидела Зюзя и с размаху что есть силы по харе его бесстыжей треснула — аж со стула слетел. Великая вещь — женская солидарность!

А Фурияна и до сих пор, наверное, не подозревает, что муж ненаглядный за стопарь водки её вместе с ребёночком неродившимся заживо похоронил: важная стала, не о железках пишет теперь, а о сельском хозяйстве, до всего ей

дело есть, во всём разбирается. Это её муж научил, он как выпьет — про что хочешь наплетёт, только подливать успевай...

Однажды Зюзе повезло: его пригласили на пьянку — не на простую, а на крутую: пьянку-рыбалку. Ну Зюзя, дело обычное, наклюкался в зюзию и стал собутыльником байки всякие про Хранцию рассказывать: как там дети его живут и по пять тыщ "баксов" в месяц ему шлют, как он сам там был,

И показал: как удочку дёрнет, лягушка, на крючок насаженная, как из воды вылетит и как об Зюзя — шлёп!

Мужики аж присели от такого нечаянно привалившего развлечения.

— Давай, давай, Зюзя! — кричат. — Научи нас, дураков неумых, как лягушек по-хранцузски трескать.

Кричат, а сами дровишек в костёр подкидывают — лягушку "а ля Зюзя" готовить.

Однажды Зюзя играл в шахматы. Вернее не играл, а проиграл. Один раз, другой, третий. Разозлился Зюзя потому, что играл не на пустой интерес, а на "червивку", за которой ему в магазин "Родимушка" всё время бегать приходилось. И вот подошёл момент, когда и "червивка", и деньги Зюзины закончились.

Обидно быть тупым. И стал Зюзя шуметь да петушиться: "Ещё давай сыграем! На этот раз я тебя сделаю!". Призадумался Зюзин

догадаться, как оно звучало в действительности. Что говорить — продул Зюзя вчистую и эту партию. Народ, который был свидетелем пари, сгрудился у стола в предвкушении удовольствия, и противник Зюзин при всех ему прямо на лбу написал это самое противное слово.

Сначала Зюзя терпеть решил. Но когда он до дома добрался и от Фурияны втык получил, то стёр слово заветное и на свою голову недалёкую пришёл на следующий день с чистым лбом на работу. Вот так и прилипло слово к Зюзе: даже молодые сотрудники спустя много лет интересовались — почему да отчего, а им эту историю охотно пересказывали. И соглашались они со старшими коллегами, что Зюзя этот самый "... и есть, раз слову своему не хозяин...

Однажды Зюзя решил продать Родину. Завербовали Зюзя. За копейки какие-то завербовали. Понял он, что продешевил, и в следующий раз решил продать кого-нибудь подороже. Случай подвернулся: продал Зюзя Карину Кидашину — своего товарища по борьбе с окружающим пространством. В этот раз Зюзе на целый магазин хватило. Повеселел он и тут же быстро прогорел. Бизнес ведь дело такое: работать надо, а не языком чесать. Сдал Зюзя магазин свой в аренду и спросил сам у себя: "А почему я, сын местного обер-идеолога, не могу стать депутатом? Чем я хуже сверстников своих и друзей детства, которые в люди давно выбились, пока я квасил напрапую?".

Закодировался Зюзя и в оппозицию орлянскую вступил. А там сплошь шизики (со справками и без справок), да такие же, как он, алкаши подзаборные. Попытался Зюзя стать депутатом. Пролетел. Попытался он во второй раз стать депутатом. Снова пролетел. Следующей весной Зюзя опять в депутаты пойдёт. Как солнышко пригреет, так опять все увидят, как Зюзя низко-низко пролетит над землёй орлянской. Не к дождю он пролетит, а к тихому, солнечному и спокойному лету. Примета есть такая, народная примета...

ПРО ЗЮЗЮ

Отрывки из книги Наливандра Кирасовского "Бухие чудачки Орлянской губернии"

как вина хранцузские пил и лягушками их закусывал.

— Эх, мужики, — Зюзя говорит. — Мясо лягушачье нежное, ни с чем несравнимое; была бы тут лягушечка пожирнее, я бы вам класс показал, как лопать её следует под водочку-то, но нет здесь лягушек каких надо — места не те, не лягушачьи места.

Нужно сказать, что квасили мужики не просто так на природе, а на территории рыбного хозяйства. И Главный Хозяин приготовил для гостей своих сюрприз: рыбу люди его наловили заранее и в ведро про запас положили. Кроме этого человек специальный там был с маской и лапами: как захочет кто-нибудь из гостей удочку в воду опустить, он тут как тут, шаст под воду и рыбку на крючок насаживает. А гость-дурень радуется и рыбой перед всеми бахвалится.

Увидев дело такое, Главный Хозяин человеку специально подмигнул, тот — шаст быстро под воду, повозился на дне какое-то время, но в итоге лягушку подходящую обнаружил. Собутыльники тем временем удочку Зюзе в руки всучили и говорят: "Иди, Зюзя, поуди рыбку!".

Зюзя — рад стараться: — Сейчас, — говорит, — класс покажу, лучше меня никто на планете рыбу удить не умеет.

Делать нечего. Убил Зюзя несчастное земноводное и в костёр засунул. Палёным понесло на всю округу. Вытащил Зюзя спёкшиеся останки, скорчил такую мину, как будто тысячу лет змия зелёного стаканами не поглощал, и стал потихоньку их ко рту подносить. То ли подносит, то ли отворачивается. То ли в рот кладёт, то ли морщится. Глянули на это мужики, и плохо им стало: самые впечатлительные в кусты рысцей побежали. Посмотрел на них Зюзя, бросил свой вещдок для "Гринписа" (жестокое обращение с представителями фауны) и потрусил в кусты следом. Такую пьянку людям обгадил!

Как говорится: что хранцузскому человеку хорошо, то советскому как бы человеку...

противник (играл он великолепно, шахматы очень любил и выигрывал не только у Зюзи) и сказал в ответ: "Ладно, твоя взяла. Играем последнюю партию, но с одним условием: кто проиграет, тому на лбу шариковой ручкой слово обидное напишем. Проигравший должен это слово не стирать со лба своего до завтрашнего утра. Если на работу завтра с чистым лбом придёт, то мы всем коллективом его имя сразу забудем и звать будем только словом обидным". Зюзя согласился, и они новую партию начали.

Если честно, то слово было препоганейшее, отвратительное слово. Оно чем-то напоминало слово "окорок", нет — "окурок", впрочем, вы и сами, наверное,

О ЧУДАКАХ И КУРЬЁЗАХ

Страницы истории орловского края полны занимательных и любопытных фактов, рассказов о людях своеобразных и необыкновенных, которых в народе за их странные своеобразные поступки прозвали чудаками. С некоторыми из них предлагаем познакомиться и вам, уважаемый читатель.

ОРЛОВЦЫ И МОДА

Особое отношение было у орловцев к модницам. В какой-то мере оно совпало с мнением поэта В.А. Жуковского, чья жизнь

была тесно связана с Орловской губернией. Он довольно едко заметил: "У нас в провинции нарядней нет Любви! По моде с ног до головы: наколки, цвет лица, помаду, зубы, брови — все получает из Москвы".

Орловцы были более добродушны. И вот случай тому свидетельство. В 1856 году в орловском Дворянском собрании при большом стечении дворян состоялось чествова-

ние В.В. Апраксина, выбранного губернским предводителем. Все поздравляли новоизбранного, кто-то из дворян начал приветственную речь, как вдруг в зале начался сначала негромкий, потом все более нарастающий смех. Причиной такового оказалась ливенская помещица Хрипунова, только что приехавшая из Москвы, точнее ее платье, в подол которого были зашиты, согласно новой моде, железные обручи.

Не понимая, что причиной смеха является она сама, модница, подойдя к предводителю, сделала книксен и села в кресло. Зал грохнул от хохота. Злосчастный обруч, ввиду неопытного обращения хозяйки с новомодным изобретением, принял вертикальное положение. Однако, как ни потешались над кринолином орловцы, дамам он понравился. Выдерживая насмешки, они ходили по улицам города Орла, подобные 40-ведерным бочкам, вплоть до 1866 года.

СТАРУШКИ-ПРИЧУДНИЦЫ

В те времена проживало в Орловской губернии много всяких старушек-причудниц. Так, одна из них, малоархангель-

ская помещица, была помешана на всевозможных придворных церемониях. Зал, в котором она принимала своих знакомых и подданных (крепостных крестьян), представлял собой большую комнату, расписанную в виде рощи. Пол его изображал паркет из цветов. Посередине этой комнаты сверкала поверхность пруда, выполненного из зеркальных стекол, по которым плавали искусственные лебеди. Между искусственных деревьев порхали живые снегири и синицы. Вдоль дорожки этого бутафорского сада стояли алебастровые фигуры богов и богин Древней Греции. "Помпезность" старушки доходила до того, что, чтобы добраться к обедне до церкви, которая находилась в полуверсте от усадьбы, составлялась основная свита. Она представляла собой поезд из пяти и более экипажей. Сама владелица ехала в громадной коляске, называвшейся "Лондоном", запряженной восьмериком. Кучер в нем сидел так высоко, что находился на уровне крестьянских крыш. О таких выездах и торжественных приемах старушки Рогозиной рассказывали даже в Петербурге.

ОРЛОВСКАЯ САЛТЫЧИХА

Однако не столь добродушны в своих чудачествах были другие орловские помещики. Имелись в Орловской губер-

нии и свои "Салтычихи" или, точнее, "Драчихи", как называли одну мценскую помещицу, которая сама жестоко управлялась с провинившимися. Слух об этих жестокостях дошел до губернского предводителя дворянства В.В. Апраксина, который сделал мценской "Драчихе" предупреждение по поводу применения розог как педагогического средства в общении с крепостными. Однако более солидное внушение помещица получила от крестьян, которые незадолго до 19 февраля 1861 года встретили свою госпожу и хорошенько выпороли.